

Баранов А. С.
A. S. Baranov

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

THE COMMUNIST RELIGION IN THE CONTEXT OF THE SOVIET SOCIETY CULTURE

Баранов Александр Сергеевич – кандидат культурологии, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Академии социального управления (Россия, г. Москва). E-mail: bars.68@bk.ru.

Mr Aleksandr S. Baranov – PhD in Culture Studies, Head of Humanities and Social Science Department, Academy of social management (Russia, Moscow).

Аннотация. Статья посвящена выявлению признаков, характеризующих коммунистическую религиозность в СССР, анализу основных этапов развития способов (уровней) отношений по поводу сакральных явлений и понятий в рамках советского общества и в контексте советской культуры второй половины 1920-х – начала 1930-х годов, исследованию механизма сакрализации в культуре. Автор предпринимает попытку определения последовательности становления атеистической (материалистической) марксистско-ленинской идеологии, массового политического культа и личной коммунистической религиозности СССР.

Summary. The article is devoted to identification of signs characterizing the Communist religion in the Soviet Union. The analysis of the development of the relations methods (levels) concerning the sacred phenomena and concepts within the Soviet society and in the context of Soviet culture in the second half of 1920s – early 1930s as well as the study of the mechanism of becoming sacralized in the culture are given. The author attempts to determine the sequence of the atheistic (materialistic) Marxist-Leninist ideology formation, mass political and personal cult of the Communist religion of the USSR.

Ключевые слова: атеизм, материализм, идеология, коммунистическая религия, политический культ, марксизм-ленинизм, коммунизм.

Key words: atheism, materialism, ideology, Communist religion, political cult, Marxism-Leninism, communism.

УДК 304.2

По широте и разнообразию интерпретаций понятие «религия» не имеет себе равных в социально-гуманитарном знании. Эти определения могут тяготеть к максимальной подробности, фактически сужающей масштабы рассматриваемого явления до границ одной или нескольких родственных конфессий, или к максимальной широте, отождествляющей религию с универсальными явлениями человеческой психики. Примером первого рода может считаться определение Э. Дюркгейма, для которого религия – «единая система верований и действий, относящихся к священным, т.е. к отделенным, запрещенным, вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину, называемую Церковью, всех тех, кто им привержен» [1, 230-231]. Противоположным примером может служить трактовка Э. Фромма, понимавшего религию как «любую принимаемую группой систему мышления и действия, наделяющую индивида схемой ориентации и объектом для поклонения» [2, 14] или концепция «предельного интереса» П. Тиллиха [3, 240].

Широкий разброс суждений в отношении специфических черт религии существенно затрудняет решение вопроса о том, какова роль религии в становлении и развитии культуры советского общества. Выбрав один из возможных ракурсов, мы сможем утверждать, что эта роль была крайне незначительной. Выбрав другой, с равными основаниями, что религия пронизывала собой все ее уровни и едва ли не все формы бытования.

Заслуга «открытия» религиозной природы советского марксизма, как известно, принадлежит Н. А. Бердяеву, который в своих произведениях 1920-х – 1940-х годов подверг критике тезис о «научности» марксизма, о его действительной приверженности материализму. К числу черт

марксизма, которые свидетельствуют о его религиозном характере, Бердяев относил: догматизм, разделение на ортодоксию и ересь, наличие «священного писания», разделение на верующих и неверующих, наличие иерархической «церкви», перенесение совести «на высший «собор», тоталитаризм, фанатизм, отлучение и расстрел еретиков. А также «признание первородного греха (эксплуатации)» и «ожидание преобразования мира и наступления Царства Божьего» [4, 123]. По Бердяеву марксизм, став религией, потерял значительную часть своей теоретической и познавательной ценности, но приобрел «динамизм и действенность. /.../ Научная теория и политическая практика никогда не могли бы играть такой роли» [4, 124]. Усиливая полемическую заостренность своей аргументации, Бердяев использует для характеристики марксизма христианскую терминологию (собор, еретики, первородный грех, Царство Божье), чем устанавливает связь не просто между марксизмом и религией, но между марксизмом и христианством. Связь, непосредственно выражающую его идею о вырастании русского коммунизма из недр русской религиозной культуры. В некоторых случаях именно используемая терминология, а не характеризующее качество, придает устанавливаемым Бердяевым чертам религиозный характер. К примеру, «отлучение и расстрел еретиков» – перестали бы выражать сходство с религией, если бы были названы исключением и расстрелом оппонентов. Указание на иерархичность перестанет выполнять ту же функцию, если не использовать с ним слово «церковь», поскольку термин иерархичность, хотя и имеет церковное происхождение, к XX веку давно превратился в универсальный признак бюрократических систем, а советское общество являлось именно централизованной бюрократической системой. Сказанное равным образом относится к «тоталитаризму», «фанатизму», «догматизму», которые с равными основаниями могут рассматриваться в качестве политических, а не религиозных понятий. Что касается разделения на «верующих-верных» и «неверующих-неверных», то подобное разделение на приверженцев «наших» и «чуждых» идеалов присуще любым социальным, культурным, политическим группам.

Противопоставляя религию политической практике марксизма и научной теории, Бердяев фактически установил три основных способа возможного существования марксизма в обществе, но, по его мнению, советский марксизм, приобретя первое (религиозное) качество, утратил черты, присущие второму и третьему.

В данной статье мы попытаемся описать функционирование в контексте культуры советского общества каждого из трех названных Бердяевым аспектов марксизма, с выявлением не только разницы между ними, но и основных способов и результатов их взаимодействия. Признавая религиозный характер советской идеологии, отметим, что, по нашему мнению, эта религиозность представляла собой глубоко оригинальное явление, не сводимое к преломлению христианских идей, ценностей и образов в новом социокультурном и идеологическом пространстве, а значит и описание этой религиозности должно проводиться в ее собственной понятийной системе.

На наш взгляд, можно говорить о сосуществовании в жизни советского общества названных выше трех теснейшим образом переплетенных вариантов или уровней отношений по поводу сакральных предметов и явлений. Каждый из них был порожден советским вариантом марксизма, имел собственную историю возникновения и функционирования, свою социальную базу, свой вклад в историю культуры советского общества. Первый – уровень *атеистической (материалистической) идеологии*. Второй – уровень *массового политического культа*. Третий – уровень *личной коммунистической религиозности*. Строго говоря, каждый из названных уровней может быть назван главным по отношению к остальным или производным от них, в зависимости от того критерия, который будет использоваться для их анализа. Если исходить из степени близости к изначальной теории Маркса – уровень атеистической идеологии окажется первым как по концептуальной значимости, так и по хронологии возникновения. При анализе с позиции максимальной эффективности функционирования политической системы, основанной на специфическом типе солидарности, и влияния СССР на процессы, происходившие в мире – основным выступит уровень массового политического культа. И если мы расположим рассматриваемые явления по степени их влияния на личность индивидов, по уровню концентрированности в его сознании коммунистических ценностей – личная религиозность окажется первым и наиболее значимым явлением. Именно

этот уровень выступал основным генератором революционной и созидательной энергии, обеспечивавшей все этапы восходящего качественного развития советского общества. Именно его угасание привело к понижению эффективности системы и деградации идеологии:

1. *Атеистическая (материалистическая) идеология* последовательно (хотя и с различной степенью интенсивности) проводилась в СССР на всех этапах его истории с целью формирования новой культуры, через «просвещение» освобожденного от «религиозного дурмана» общества. Главная функция атеизма – «расколдовывание» мира. Главная форма деятельности – антирелигиозная пропаганда. Являясь непосредственным порождением марксизма, одним из изначальных положений которого является тезис об антагонистическом противопоставлении религиозного и научного мировоззрений, атеистическая идеология получила резкое усиление на русской почве в начале XX века. В двадцатые годы она превратилась в господствующее явление в советской идеологии и культуре. Основной социальной средой, с которой связано функционирование атеистического способа отношения к религиозным феноменам, была российская, а потом и советская интеллигенция. Труды А. В. Луначарского [5], атеистическая периодика и публицистика, государственная наука, система массового образования, популярные лектории, библиотеки, музеи, кинематограф, литература, театр, диспуты – все эти информационные каналы, институты и практики обеспечивали господство атеистической (материалистической) идеологии в СССР. Достигнув пика своей силы в 1920-е годы, атеистическая идеология века сохраняла значительную долю своей ответственности на протяжении всего периода истории СССР.

2. С уровнем *массового политического культа, или атеистической квазирелигии*, связано иное измерение сакральных представлений. Если официальный атеизм «расколдовывал» социальный мир, массовый политический культ, пользуясь упрощенными идеологическими клише, заново заколдовывал его. Массовый культ представляет собой иерархически выстроенный набор лозунгов, фетишей, практик, мифологизированных концепций, связанных с ними ритуалов различной степени массовости и организованности. Это псевдоматериалистическое учение, в котором научные установки сочетались с утопическими социальными целями, а разработанные на их основе программы социально-экономического и культурного развития «усиливались» при помощи эклектичного мифоритуального комплекса и агрессивного политического культа, мотивировавшего советский народ «на труд и на подвиг». Изображения вождей, выпуски газеты «Правда», собрания сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина – основные материальные компоненты массового политического культа. «Краткий курс истории ВКПб» представляет эссенцию содержания его главного исторического мифа. Речь идет о внутренне противоречивом явлении, характеризующимся подменой как христианских, так и марксистских ценностей, встречей сознательной безрелигиозной идеологии и бессознательной религиозности постхристианской культуры. Начальная фаза становления политического культа относится к предреволюционным годам. Место оформления – царская тюрьма, каторга, ссылка. Первичная социальная база – профессиональные революционеры, в среде которой оформлялась специфическая революционная субкультура. Именно в тюремных камерах, в локальном и замкнутом мире складывались ритуалы и практики, получившие в двадцатые годы мощный импульс к своему развитию. В эти годы политический культ был невероятно динамичен. Побывавший в 1926 году в Москве В. Беньямин с интересом отмечал: «Географическая карта так же близка к тому, чтобы стать центром нового русского визуального культа, как и портрет Ленина. Тем временем старый культ продолжает существовать в церквях» [6, 75]. Карта «проиграла» портрету после торжества концепции построения социализма в отдельно взятой стране, хотя и осталась важным элементом в интерьере советских жилищ и учреждений. Социальной средой развития политического культа в его зрелой фазе (1930-е годы) являлась партийно-бюрократическая «номенклатура», носители ролей и статусов, отвечавшие за обеспечение необходимого уровня лояльности и солидарности в конечном итоге за целостность и эффективное функционирование всей системы.

3. Уровень *коммунистической религии* – уникальный феномен, понимание свойств которого не может быть сведено к изучению процесса соединения исходных компонентов. Самостоятельное явление в истории мировой религии, подобно буддизму, действовавшее на различных

«этажах» породившей его культуры и обладавшее значительным потенциалом к распространению в разнообразных этнокультурных пространствах, без потери собственного религиозного содержания. Здесь религиозное содержание может пониматься не в качестве искажения или противоречия, дискредитирующих материалистическую теорию, а как постепенно оформившаяся религиозная «сердцевина» коммунистического движения, обеспечивающая его устойчивость и выживание в течение определенного времени. Рассмотрим ее основные компоненты.

Первым компонентом этой религии, главным мотиватором ее носителей ко всем проявлениям активности, является личная *вера в коммунизм*. Направленность помыслов и чувств на предвкушение, восторженное ожидание «светлого будущего». Эта вера особым образом окрашивает жизнь адепта, изменяя восприятие всех событий, явлений, процессов. Равнодушие к перспективам построения светлого будущего равнозначно неверию, оно непереносимо для человека, погруженного в религию. Персонаж советского историко-революционного фильма «Служили два товарища» (1968) обращается с вопросом к своему другу: «Ты про что думаешь, когда жрать хочется? – Про мясо. – А я про совсем другое. Я вот подумаю только, какая впереди обещается интересная жизнь – и сразу мне легче». Отметим, что понятие «вера» в 1920-е – 1930-е годы заменялось оборотом «глубокая убежденность», который дополнялся словами, свидетельствующими о готовности действовать в нужном направлении: *«глубокая убежденность в победе коммунизма, преданность делу революции»*. Случаи использования понятий «вера» и «религия» в саморефлексии верующих коммунистов редки. Один из них в воспоминаниях П. Григоренко (1907 – 1987): «Мы с энтузиазмом воспринимали эти идеи. Они становились нашей верой, нашей религией. Счастье всего народа – вот цель. И ради этой великой цели можно всем пожертвовать, в том числе своей жизнью» [7, 64]. Уникальность Григоренко в том, что он проделал полный «религиозный цикл»: от «детского православия» (1910-е годы) к вызреванию коммунистической религиозности (гражданская война – коллективизация). Полностью оформившаяся религиозность – 1929 год. Затем жизнь верующего коммуниста под давлением массового политического культа, мучительное осознание принципиального несоответствия первого и второго. В 1950-е годы – радостное предчувствие очищения «истинного ленинизма» от «культа личности», вызванное выступлением Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС (1956), и постепенное разочарование. И только после потери коммунистической веры П. Григоренко смог назвать ее – верой, а эту религию – религией.

Из личной веры в коммунизм вытекала особая направленность действий ее носителя, которую мы отнесем ко **второму** основному компоненту коммунистической религии – *соучастие в построении «светлого будущего»*. Коммунистическая религия не принимала созерцательной отрешенности. Качества «настоящего коммуниста» проявляются в общей работе, направленной на переустройство мира. Действенное служение определяется двояким характером представлений о способе наступления коммунизма. С одной стороны, коммунизм – неизбежное будущее человечества. С другой стороны, построение коммунизма – титаническая работа, с которой необходимо справиться. Эффект наступления «светлого будущего» должен был явиться результатом *деятельности* братства трудящихся, а не реализации закона природы. Указанная двоякость не является противоречием: коммунизм для носителей этой религии представлялся *объективно неизбежным, т.к. он имманентен природе людей, составляющих класс, который его построит*. Коммунист не принимает решения об участии или неучастии в этом процессе. Он объективно является коммунистом, поскольку строит коммунизм.

Качества «настоящего коммуниста» проявлялись в двух направлениях его деятельности: в общей работе по построению коммунизма и в напряженной работе над самим собой. Коммунист строит новый мир и строит самого себя. Подобно Божко, персонажу из неоконченного романа А. Платонова «Счастливая Москва» (1932 – 1936), он: обретает грамотность, постигает иностранные языки и труды классиков марксизма, помогает товарищам, создает вокруг себя поле, новую повседневность. Все эти усилия направлены на *приближение* индивида к партии, к особой моральной общине коммунистов. Это **третий** из основных компонентов коммунистической религии – *стремление к достижению индивидом того уровня личного совершенства, который дает ему право стать членом партии*. Отметим именно процессуальный характер, *приближение к партии*,

а не членство как таковое. Формальное членство в партии не рассматривалось в качестве единственной организационной формы существования «настоящих коммунистов». «Беспартийные коммунисты» были членами организаций или групп, окружающих партию как центральный элемент системы концентрических окружностей. Магнит, создающий вокруг себя поле особого притяжения. Можно быть настоящим коммунистом, *еще* не имея партийного билета, но нельзя считаться коммунистом, не имея стремления к его получению. В конечном итоге результатом работы над собой должно было явиться превращение несовершенно человека в личность, достойную жизни в коммунистическом обществе.

Осознание индивидом своего личного несовершенства – важнейший симптом религиозности переживаемых чувств. При всей переплетенности элементов массового культа и коммунистической религии именно этот пункт наиболее очевидным образом способствует их различению. Политический культ не имеет личного измерения, не побуждает к аскетическому подвигу в борьбе с самим собой, не предписывает нравственного воздействия на непосредственное окружение, его функция – установление поклонения лидеру, лозунгам, правящей партии (как политической организации, а не моральной общине), в мобилизации сознания и сплавлении «энергии масс» ради достижения актуальных задач.

Яркий пример презентации коммунистической религии – роман Н. Островского «Как закалялась сталь» (1932). В жизни Павла Корчагина нет места политическому культу: лозунгам, вождям, фетишам. Корчагин – верующий коммунист, отдающий себя революции, достигающий (благодаря личной вере, героическим усилиям, примеру идеального рабочего-коммуниста – Жухрая) высшего уровня чистоты.

Итак, коммунистическая религия складывается из трех основных компонентов: личной веры в коммунизм, участия в деятельности, направленной на его построение, в целенаправленной работе индивида над самим собой. Все остальные элементы этой религии вторичны. Из всего их разнообразия отметим тот, который зачастую ошибочно воспринимается в качестве центрального – культ вождей. Вождизм в советской культуре сыграл особую роль. Он – центральная часть политического культа и второстепенный компонент коммунистической религии.

Подобно тому, как в другой атеистической религии, в буддизме, культ Будды, присутствует, но не является основным, передает не смысл учения, а только иллюстрирует его эпизодами из жизни просветленного, культ вождей никогда не занимал центральную позицию в коммунистической религии, хотя и стал ее символом. Не культ Ленина, а *переживание его смерти*, не сакрализация произведений «классиков», а сакрализация невероятно трудного *процесса изучения* этих произведений, не членство в партии, а *стремление приобщиться к партии* и страх *потери* доверия товарищей объединяли представителей поколения «ровесников века», испытавших религиозный шок, сделавший их коммунистами, в основном в период между 1928 и 1932 годами. Социальная база этого поколения – молодые люди, находившиеся в движении. Вырванные из крестьянского мира или мира рабочих, так и не успокоившиеся (даже несмотря на внешние признаки жизненного успеха) в роли представителей «новой» интеллигенции, партийной номенклатуры или военной элиты. Принадлежность к этому религиозному поколению объединяет фигуры Н. Островского, Н. Хрущева, П. Григоренко и многих других.

Действия политического культа и коммунистической религии на личность имели противоположную направленность. Лояльность, солидарность, конформизм – в одном случае. Индивидуализация через партийную общину, самоусовершенствование, стремление к религиозному подвигу – во втором. В конечном итоге коммунистическая религия стала такой же жертвой тоталитарного политического режима, как и все остальные религии, существовавшие в пространстве СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюргейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Э. Дюргейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – М.: Канон+, 1998. – С. 230-231.
2. Фромм, Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2010. – С. 14.

3. Тиллих, П. Избранное. Теология культуры / П. Тиллих. – М., 1995. – С. 240.
4. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – Париж: YMCA-PRESS, 1951. – С. 123-124.
5. Луначарский, А. В. Религия и просвещение / А. В. Луначарский. – М.: Советская Россия, 1985. – 544 с.
6. Беньямин, В. Московский дневник / В. Беньямин. – М.: Ad Marginem, 2012. – С. 75.
7. Григоренко, П. В подполье можно встретить только крыс / П. Григоренко. – Нью-Йорк: Детинец, 1981. – С. 64.